LINGUISTICA URALICA LXII 2026 2 : 216—236 https://doi.org/10.3176/lu.2026.2.05

Д. Д. БЕЛОВА (Москва)

КОНСТРУКЦИИ С ЭЛЛИПСИСОМ КОСВЕННОГО ВОПРОСА В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Abstract. Sluicing-like Constructions in Tatyshly Udmurt
The article deals with the ellipsis of an indirect question (*sluicing*) in the Tatyshly subdialect of Udmurt, spoken in the Republic of Bashkortostan. Properties of sluicing-like constructions in Uralic languages are severely understudied. Both fieldwork and corpus data are used to describe such constructions in Tatyshly Udmurt. The constructions differ by the form of the interrogative pronoun in the position of the *remnant*: (a) case corresponding to the correlate pronoun, (b) nominative plus a demonstrative pronoun, or (c) third-person possessive accusative. The three constructions are compared with relation to several typologically relevant parameters: the possibility of omitting a correlate pronoun (*sprouting*), the availability of a demonstrative pronoun and of explicit subordinating conjunctions. The differences in the properties are due to the fact that the three sluicing constructions are formed from different structures: an isomorphic finite clause with a lexical verb, a non-isomorphic clause with a copula, and a nominalized clause with a copula.

Keywords: Udmurt, Uralic, sluicing, pseudo-sluicing, sprouting, embedded question.

1. Введение

Дать единое формальное определение *эллипсису* непросто, однако в первом приближении в это понятие входит «сокращение повторяющейся части в одном или нескольких предложениях в связном тексте или диалоге» (Тестелец 2001 : 172). Один из наиболее популярных подходов к теоретическому моделированию эллипсиса в современных синтаксических теориях предполагает, что на месте «сокращенных» элементов присутствует синтаксическая структура, которая удаляется при озвучивании (см. van Craenenbroeck & Merchant 2013).

Частным случаем эллипсиса является *слусинг* (*sluicing*) — эллипсис зависимого (косвенного) вопроса, при котором в зависимой клаузе озвучивается только вопросительное слово (Ross 1969; Merchant 2001). Например, в (1) конструкция состоит из трех клауз: клаузы-антецедента (*Вася что-то нарисовал*), матричной клаузы (*но я не поняла*) и клаузы-мишени

Received 2 December 2025, accepted 11 August 2026, available online 16 November 2026.
© 2026 Author. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0).

(*что*). Неопределенное местоимение в клаузе-антецеденте называют *коррелятом*, а вопросительное местоимение в клаузе-мишени — *остатком*.

(1) *Вася* ***что-то*** *нарисовал, но я не поняла* ***что***

Исследования на материале языков мира дают основания предполагать, что на месте эллипсиса в клаузе-мишени могут восстанавливаться разные структуры (Vicente 2018). Во-первых, это может быть клауза, изоморфная антецеденту (2a). Во-вторых, это может быть неизоморфная структура, например, клауза с копулой (2b). Отметим, что термин *слусинг* (или *настоящий слусинг*) в узком смысле используется только для обозначения структур первого типа. Неизоморфные структуры второго типа называют *псевдослусингом*, а все семейство конструкций, аналогичных (1), вне зависимости от механизма их деривации — *слусинговыми конструкциями* (*sluicing-like constructions*) или *усеченными вопросами* (*reduced questions*).

(2) a. *Вася что-то нарисовал, но я не поняла, что* ~~*Вася нарисовал*~~
b. *Вася что-то нарисовал, но я не поняла, что* ~~*это было*~~

Слусинг является одним из самых распространенных и исследованных типов эллипсиса в языках мира. Среди финно-угорских языков, однако, свойства слусинговых конструкций хорошо изучены только в венгерском (van Craenenbroeck & Lipták 2006; Ronai & Stigliano 2020), а в работе (Murphy 2020) в числе прочих языков рассматривается эстонский. Также в недавних докладах Е. Георгиевой (Georgieva 2024a; 2024b; 2026) обсуждаются данные лугового марийского и удмуртского языков; при этом границы диалектного варьирования в свойствах рассматриваемых конструкций на данный момент неизвестны, и для формирования полноценной картины необходимо привлечение материала отдельных диалектов.

Целью этой статьи является типологически ориентированное описание свойств слусинговых конструкций в татышлинском говоре удмуртского языка. Татышлинский удмуртский распространен на севере Республики Башкортостан и в нескольких приграничных селах Пермского края. Он относится к периферийно-южному диалекту южного наречия удмуртского языка (Кельмаков 1998) и заметно отличается от литературного удмуртского на всех языковых уровнях (Baidoullina 2003). Материал получен методом анкетирования носителей в Татышлинском районе Республики Башкортостан в 2024—2025 гг.[1] Суммарно в работе участвовали 17 информантов. В случае расхождения суждений примеры помечаются соответствующей нотацией.[2] Также привлекается

[1] Населенные пункты Нижнебалтачево, Верхнебалтачево, Старый Кызыл-Яр, Ивановка, Новые Татышлы, Уразгильды. Татышлинский говор в целом обладает высокой витальностью; среди наших информантов есть люди 2000-х годов рождения, владеющие татышлинским как родным языком и активно использующие его в повседневном общении. Носители татышлинского говора знакомы с литературной удмуртской нормой и могут охарактеризовать языковые явления как «местные» или «литературные». Кроме того, многие носители татышлинского удмуртского также в той или иной степени владеют татарским или башкирским языком. Подробнее о социолингвистической ситуации в населенных пунктах, где проводилась работа (см. Кашкин & Винклер 2024).

[2] В элицитированных примерах мы пользуемся следующей нотацией приемлемости: * — полная неприемлемость, ?? и % — неприемлемость для большей и меньшей части опрошенных информантов. Скобки обозначают возможность опустить соответствующий элемент с сохранением приемлемости.

корпус текстов татышлинского удмуртского объемом около 65 тыс. словоупотреблений (далее — КТУ).[3]

В татышлинском удмуртском есть три слусинговые конструкции, которые различаются составом и формой остатка: конструкция с падежным соответствием между остатком и коррелятом (будем называть такой остаток *падежным*) (3a), конструкция с номинативным остатком и указательным местоимением (3b) и конструкция с остатком в форме посессивного аккузатива (будем называть такой остаток *остатком с матричным падежом*) (3c).[4]

(3) *vas'a kin-lə̑ dər gožtet-jos lez'-i-z noš mon*
Вася кто-DAT INDEF письмо-PL пускать-PST-3SG а я
ug tod-is'kə̑…
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS
a. *kin-*(*ez*)*-lə̑*
кто-POSS.3SG-DAT
b. *kin so*
кто тот
c. *kin-ze*
кто-ACC.POSS.3SG
'Вася отправил кому-то письма, но я не знаю кому'

В статье мы опишем свойства и структуру всех трех конструкций, обратив особое внимание на параметры межъязыкового варьирования: падежное соответствие между остатком и коррелятом, возможность опущения местоимения-коррелята и допустимость подчинительных союзов в клаузе-мишени. Дальнейший текст работы имеет следующую структуру. В разделе 2 мы обсудим свойства слусинговых конструкций в языках мира и основные теоретические подходы к анализу их структуры. В разделе 3 приводятся необходимые данные о зависимых вопросах в татышлинском удмуртском. Раздел 4 посвящен трем конструкциям с частновопросительным эллипсисом. В разделе 5 подведены итоги работы.

2. Параметры межъязыкового варьирования в слусинговых конструкциях

Обсудим основные теоретические понятия и данные языков мира, релевантные для описания слусинговых конструкций. Начнем с падежного соответствия (*case connectivity*) между остатком и коррелятом и его взаимосвязи с вопросом изоморфизма между клаузой-мишенью и клаузой-антецедентом. В работе (Merchant 2001) наличие у местоимения-остатка падежа, соответствующего позиции коррелята, считается индикатором изоморфной структуры клаузы-мишени, то есть настоящего слусинга. Однако дальнейшие исследования на материале языков мира, в особенности таких языков, где передвижение вопросительного слова необязательно или невозможно, показывают, что падежное соот-

[3] Корпус татышлинского удмуртского доступен по ссылке https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/index.html.
[4] Глоссирование примеров следует Лейпцигским правилам с учетом ряда конвенций, принятых в проекте МГУ им. М. В. Ломоносова по документации татышлинского говора удмуртского языка.

ветствие могут демонстрировать и псевдослусинговые конструкции. Рассмотрим пример (4) из японского языка (Hiraiwa & Ishihara 2011). Падежное соответствие остатка в нем опционально: вопросительное местоимение может иметь форму аккузатива или не быть маркированным падежом. При этом в обоих случаях в конструкцию можно добавить копулу, что несовместимо с изоморфным источником. Авторы предполагают, что здесь наблюдается вариативность не между слусинговой и псевдослусинговой конструкциями, а между двумя неизоморфными источниками: клефтовым и псевдоклефтовым соответственно. Похожий анализ предлагается для узбекского языка в работах Gribanova 2013; Gribanova & Manetta 2016. Таким образом, во-первых, в одном языке могут одновременно существовать слусинговые конструкции с разными источниками, а во-вторых, для определения источника слусинговой конструкции в конкретном языке необходимо учитывать не только падежное соответствие, но и другие синтаксические факторы.

(4) ЯПОНСКИЙ
Naoya-ga Mari-ni nanika-o ageta rasii ga,
Наоя-NOM Мари-DAT что_то-ACC дал видимо но
boku-wa ***nani-(o) (da)*** *ka siranai*
я-TOP что-ACC COP Q знать.NEG
'Похоже, Наоя что-то дал Мари, но я не знаю что' (Hiraiwa & Ishihara 2011 : 164)

Вторым интересующим нас параметром является возможность опустить местоимение-коррелят. Такая конструкция называется спраутингом (*sprouting*) (Chung & Ladusaw & McCloskey 1995), см. русский пример (5). В конструкции спраутинга на форму остатка могут накладываться иные ограничения, чем в слусинговой конструкции. Ср. английские примеры (6a) и (6b): при выраженном корреляте-предложной группе предлог в остатке может опускаться, но при отсутствии коррелята предлог обязателен.

(5) *Вася ушел, но я не поняла куда*

(6) a. *They're jealous of someone, but I don't know* (***of***) ***who***
'Они кому-то завидуют, но я не знаю кому'
b. *They're jealous, but I don't know* [***of who / *who***]
'Они завидуют, но я не знаю кому' (Chung 2005 : 7)

В работе Palaz 2019 спраутинг используется в качестве диагностики изоморфизма между антецедентом и мишенью в слусинговых конструкциях турецкого языка. При отсутствии коррелята возможен только падежно маркированный остаток, а номинативный оценивается как неприемлемый (7). Структуры с номинативным остатком имеют неизоморфный источник — а именно клаузу с нулевой копулой.

(7) ТУРЕЦКИЙ
cem tüm gece oda-sın-da çalış-tı ama
Джем весь ночь комната-POSS.3SG-LOC учиться-PST.3SG но
[***ney-e / *ney***] *bil-mi-yor-um*
что-DAT что знать-NEG-PRS-1SG

'Джем всю ночь учился в своей комнате, но я не знаю, что {он учил}' (Palaz 2019 : 67)

Отдельным параметром является использование в слусинговых конструкциях подчинительных союзов и других комплементайзеров, вводящих зависимые клаузы. Существуют языки, в которых, в отличие от русского или английского, нет запрета на одновременное присутствие в зависимом вопросе и вопросительного слова, и комплементайзера. Языки различаются в отношении того, может ли такои комплементаизер сохраняться в слусинговой конструкции. Например, в нидерландском языке (по крайней мере в некоторых его территориальных разновидностях) в зависимом вопросе может быть опциональный комплементайзер *dat* (8a), однако при эллипсисе он невозможен (8b). В венгерском, напротив, комплементайзер в слусинговой конструкции может сохраняться (9).

(8) НИДЕРЛАНДСКИЙ
a. *ik weet niet,* wie (dat) *hij gezien heeft*
я знать NEG кто COMP он увиденный имеет
'Я не знаю, кого он видел'
b. *hij heeft iemand gezien, maar ik weet niet*
он имеет кто_то увиденный но я знать NEG
wie (****dat***)
кто COMP
'Он кого-то увидел, но я не знаю кого' (Merchant 2001 : 74—75)

(9) ВЕНГЕРСКИЙ
a gyerekek találkoztak valakivel de nem emlékszem,
DEF дети встретили с_кем_то но NEG я_помню
hogy kivel
COMP с_кем
'Дети встретились с кем-то, но я не помню с кем' (Merchant 2006 : 283)

(Не)допустимость комплементайзеров не является диагностикой изоморфизма, но может помочь определить структуру клаузы-мишени. В частности, комплементайзеры могут накладывать ограничения на финитность вводимой ими клаузы, что отражается и на их поведении с остатками разных типов. Как мы увидим в разделах 3 и 4, это актуально и для татышлинского удмуртского. Анонимный рецензент справедливо замечает, что за вопросом изоморфизма в слусинговом конструкции логичным образом следует вопрос передвижения вопросительного слова на левую периферию: каков тип этого передвижения и какова позиция, в которую поднимается остаток? В этой статье мы ограничимся определением структуры клаузы-мишени и не будем обсуждать дальнейшую деривацию структур. Отметим только, что татышлинский удмуртский, по всей видимости, является языком с «настоящим» wh-in-situ, то есть без wh-передвижения (см. Orlov 2024).

3. Частновопросительные предложения в татышлинском удмуртском

Прежде чем рассматривать конструкции с эллипсисом, обсудим синтаксические особенности зависимых частных вопросов в татышлин-

ском удмуртском. Вопросы могут выражаться финитной клаузой (10), инфинитивом (11), номинализацией на *-em* (12) или отглагольным именем на *-on* (13).

(10) *mar-lə̂ so-je oz'ə̂ kar-il'l'a-m, mon tünne no*
что-DAT тот-ACC тот делать-2/3PL-PST2 я сегодня ADD
nunal-en ug vala-s'kə̂
день-INS NEG.PRS/FUT.1SG понимать-PRS
'Почему так сделали, я не понимаю даже на сегодняшний день' (КТУ: ATN-29072021_VI_6_jazyk)

(11) *mon ug to-s'kə̂ ni, mar vera-nə̂*
я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS уже что говорить-INF
'Я уже не знаю, что говорить' (КТУ: MRB-06072024_EK_veniki-banja)

(12) *ruslan ʒ'ua-Ø mar lu-em-ez*
Руслан спрашивать-PRS.3SG что быть-NMLZ-ACC
'Руслан спрашивает, что происходит' (Давидюк 2023 : 29)

(13) *ruslan ʒ'ua-Ø šukaje mar lu-on-ez*
Руслан спрашивать-PRS.3SG завтра что быть-VN-ACC
'Руслан спрашивает, что завтра будет' (Давидюк 2023 : 9)

Финитные косвенные вопросы с вопросительным местоимением в татышлинском удмуртском могут вводиться союзами *šu*(*ə̈*)*sa* (в исследуемом идиоме чаще встречается в варианте *šusa*) и *što*. Союз *šusa*, этимологически восходящий к форме деепричастия от глагола *šuə̈nə̈* 'говорить', в частных вопросах употребляется свободно (14a). Напротив, добавить в частный вопрос заимствованный союз *što* разрешает примерно половина (шесть из десяти) опрошенных информантов (14b). Носители, которые оценивают стимулы со *što* как приемлемые, допускают одновременное присутствие *što* и *šusa* (14c). Подробнее о некоторых свойствах союзов в сентенциальных актантах в татышлинском удмуртском см. (Давидюк 2024); об исконных и заимствованных подчинительных союзах и их «дублировании» в литературном удмуртском см. (Уткина 2022; Kaysina 2013; Tánczos 2013).

(14) a. *mon tod-is'ko-Ø kin van' känfet-jos-ə̂z*
я знать-PRS-1SG кто весь конфета-PL-ACC
s'i-em ***šu̇-sa***
есть-PST2 говорить-CVB
b. %*mon tod-is'ko-Ø* ***što*** *kin van' känfet-jos-ə̂z s'i-em*
я знать-PRS-1SG что кто весь конфета-PL-ACC есть-PST2
c. %*mon tod-is'ko-Ø* ***što*** *kin van' känfet-jos-ə̂z*
я знать-PRS-1SG что кто весь конфета-PL-ACC
s'i-em ***šu̇-sa***
есть-PST2 говорить-CVB
'Я знаю, кто съел все конфеты'

Нефинитные зависимые клаузы не могут возглавляться союзом *šusa*:

(15) *mi tod-is'ko-m pi-jos-les' mil'-es't-ə̂m keč'-ez*
мы знать-PRS-1PL мальчик-PL-GEN2 мы-GEN2-POSS.1PL коза-ACC
luška-m-zes (****šu̇-sa***)
украсть-NMLZ-ACC.POSS.3PL говорить-CVB
'Мы знаем, что мальчики увели нашу козу'

Отметим, что в языках мира эллипсису могут подвергаться не только частные, но и альтернативные (*или*) и общие (*ли*) зависимые вопросы. В этом случае остаток представляет из себя не вопросительное слово, а какую-то другую единицу, например, именную группу в фокусе вопроса. В этой статье мы подробно рассмотрим только частные вопросы, однако эллипсис и в альтернативных (16), и в общих (17) вопросах в татышлинском удмуртском также допустим.

(16) *maša mar dər pȯz'-t-e no mon*
Маша что INDEF вариться-CAUS-PRS.3SG но я
*ug tod-is'kə̂ **šə̂d-a** (**dər**) **žuk-a** (**dər**)*
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS суп-Q наверное каша-Q наверное
'Маша что-то готовит, но я не знаю, суп или кашу'

(17) *maša mar dər pȯra-ø no mon ug*
Маша что INDEF готовить-PRS.3SG но я NEG.PRS/FUT.1SG
*tod-is'kə̂ **žuk-a** **meda***
знать-PRS каша-Q ли
'Маша что-то готовит, но я не знаю, кашу ли'

Возможность таких слусинговых конструкций в конкретном языке описывается типологической закономерностью: частные вопросы < альтернативные вопросы < полярные вопросы, см. (Erschler 2018 : 165—220). Так, согласно Д. Эршлеру, в венгерском встречаются все три конструкции, тогда как в финском — только слусинг частных вопросов. В татышлинском удмуртском, таким образом, засвидетельствованы все три типа.

4. Конструкции с эллипсисом зависимого вопроса в татышлинском удмуртском

В этом разделе мы рассмотрим три слусинговые конструкции в татышлинском удмуртском: конструкцию с падежным остатком, конструкцию с номинативным остатком и указательным местоимением и конструкцию с остатком в матричном падеже; см. пример (3), повторенный в (18).

(18) *vas'a kin-lə̂ dər gožtet-jos lez'-i-z noš mon*
Вася кто-DAT INDEF письмо-PL пускать-PST-3SG а я
ug tod-is'kə̂…
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS
a. *kin-(ez)-lə̂*
кто-POSS.3SG-DAT
b. *kin so*
кто тот
c. *kin-ze*
кто-ACC.POSS.3SG
'Вася отправил кому-то письма, но я не знаю кому'

В каждом случае нас интересуют несколько параметров межъязыковой вариативности: форма остатка, опущение местоимения-коррелята (*спраутинг*) и допустимость подчинительных союзов *što* и *šüsa*.

4.1 Конструкция с падежным остатком

Сначала мы рассмотрим конструкцию, в которой остаток совпадает по падежу с местоимением-коррелятом:

(19) *anaj piz'-ez mar-in ke sura-Ø-z noš mon*
мама мука-ACC что-INST INDEF смешивать-PST-3SG а я
ug tod-is'kə̂ ***mar-in***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS что-INST
'Мама с чем-то смешала муку, но я не знаю с чем'

Кроме падежа на остатке может выражаться посессивность — самостоятельно, как в примере (20) с дативом, или кумулятивно с падежом, как в примере (21) с аккузативом.[5] Такие примеры получают интерпретацию выбора из множества, характерную для дискурсивных употреблений посессива в исследуемом идиоме (Тыщишина 2023), см. комментарий информанта к переводу примера (21). Вопросительные местоимения могут присоединять посессив и в полных клаузах без эллипсиса (22).

(20) *pet'a kə̂še dər nə̂l-lə̂ s'as'ka s'ot-i-z noš mon*
Петя какой INDEF девочка-DAT цветок дать-PST-3SG а я
ug tod-is'kə̂ ***kə̂še-jez-lə̂***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS какой-POSS.3SG-DAT
'Петя подарил цветы какой-то девушке, но я не знаю какой'

(21) *marat mar-e ke sör-i-z dor-is'*
Марат что-ACC INDEF разбивать-PST-3SG сторона-EL
no mon ug tod-is'kə̂ ***mar-ze***
но я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS что-ACC.POSS.3SG
'Марат что-то дома разбил, но я не знаю что' (Комм. информанта: что-то именно из этого сервиза)

(22) ***mar-ez*** *tuž-ges kel'š-i-z til'-ed-lə̂ otə̂n*
что-POSS.3SG очень-CMPR нравиться-PST-3SG вы-POSS.2PL-DAT там
vetlə̂-sa?
ходить-CVB
'Что больше всего вам понравилось, когда гуляли там?' (КТУ: BFI_ShTT-02082023_EK_razgovory-abkhazia)

Падежные или структурные несоответствия между остатком и коррелятом в этой конструкции невозможны, см. недопустимость немаркированного (номинативного) остатка при дативном корреляте (25). Если коррелятом выступает послеложная группа, то употребить остаток без послелога также нельзя (26).

(23) **vas'a* ***kin-lə̂*** ***dər*** *goštet lez'-i-z noš mon*
Вася кто-DAT INDEF письмо пускать-PST-3SG а я
ug tod-is'kə̂ ***kin***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто
'Вася отправил кому-то письмо, но я не знаю кому'

[5] Кроме аккузатива, других падежей, которые выражались бы синкретично с посессивностью в одном суффиксе, в татышлинском удмуртском нет. Локатив и иллатив имеют особые алломорфы, которые используются с посессивными суффиксами, однако морфемная граница четко прослеживается, см. *gurt-ə̂n* (село-LOC) — *gurt-a-z* (село-LOC/ILL-POSS.3SG).

(24) *maša mânâm* ***mar s'arâs' dër*** *vera-Ø-z*
Маша я.DAT что о INDEF говорить-PST-3SG
noš mon ȯj vala [***mar s'arâs'*** / ****mar***]
а я NEG.PST.1SG понимать что о что
'Маша мне о чем-то рассказала, но я не поняла о чем'[6]

Спраутинг, то есть конструкция, в которой в антецеденте отсутствует местоимение-коррелят, допустим для всех синтаксических позиций коррелята и остатка, но в разной степени. Не выражать коррелят-адъюнкт носители разрешают свободно (25). Возможность опустить коррелят-аргумент зависит от возможности конкретного глагола опускать соответствующий аргумент. Ср. свободное опущение коррелята-адресата (26) и пациенса при глаголе *vurânâ* 'шить', который может употребляться без прямого объекта (27), но сниженную приемлемость опущения пациенса при глаголе *bas't̂ânâ* 'брать' (28) (опустить антецедент в этом примере разрешают четыре информанта из восьми опрошенных).

(25) *pet'a gorod-e košk-i-z noš mon*
Петя город-ILL уходить-PST-3SG а я
ug tod-is'kâ ***kȕ***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS когда
'Петя уехал в город, но я не знаю когда'

(26) *vas'a gožtet lez'-i-z no mon*
Вася письмо пускать-PST-3SG но я
ug tod-is'kâ ***kin-lâ***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто-DAT
'Вася отправил письмо, но я не знаю кому'

(27) *pes'anaj vur-e noš mon ug tod-is'kə* ***mar***
бабушка шить-PRS.3SG а я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS что
'Бабушка шьет, но я не знаю что'

(28) %*kat'a lavka-is' bas't-i-z noš mon*
Катя магазин-EL брать-PST-3SG а я
ug tod-is'kə ***mar***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS что
'Катя купила что-то в магазине, но я не знаю что'

Что касается подчинительных союзов, то в конструкцию свободно разрешается добавить союз *šüsa*. У тех носителей, чья грамматическая система допускает союз *što* в частном вопросе без эллипсиса (см. пример (14)), этот союз и его сочетание с *šüsa* возможны и в слусинге (29). Таким образом, допустимость союзов при эллипсисе полностью параллельна их допустимости в полных зависимых вопросах.

(29) *kin dër van' känfet-jos-âz s'i-em noš mon*
кто INDEF весь конфета-PL-ACC есть-PST2 а я

[6] Маркер неопределенного местоимения *dër* обязательно располагается вне послеложной группы:
(a) **maša mânâm* ***mar dër s'arâs'*** *vera-Ø-z*
Маша я.DAT что INDEF о говорить-PST-3SG
'Маша о чем-то мне рассказала'

ug *tod-is'kə̂* (*%**što***) *kin* (***šu-sa***)
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS что кто говорить-CVB
'Кто-то съел все конфеты, но я не знаю кто'

Обсудим исходную структуру клаузы-мишени в конструкции с падежным остатком. Как мы обсуждали в разделе 2, сам факт падежного соответствия между остатком и коррелятом не может служить однозначным свидетельством изоморфной структуры, поскольку вопросительное местоимение может маркироваться падежом, совпадающим с падежом коррелята, и в клаузах с копулой. Более того, в татышлинском удмуртском к падежному остатку можно добавить указательное местоимение (30)—(31). Такое указательное местоимение интерпретируется как субъект зависимой клаузы, кореферентный какому-либо участнику клаузы-антецедента (о клаузах с копулой и указательными местоимениями в татышлинском удмуртском мы поговорим подробнее в разделе 4.2).

(30) *pet'a mar s'arə̂s' dər kn'iga lə̂dž'-i-z noš mon*
Петя что о INDEF книга читать-PST-3SG а я
o̜j vala ***mar s'arə̂s' so***
NEG.PST.1SG понимать что о тот
'Петя прочитал книгу о чем-то, но я не поняла, о чем она'

(31) *vas'a gožtet-jos lez'-i-z noš mon*
Вася письмо-PL пускать-PST-3SG а я
ug *tod-is'kə* ***kin-lə̂*** ***so-os***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто-DAT тот-PL
'Вася отправил письма, но я не знаю, для кого они'

В таком случае, возможно, в татышлинском удмуртском вообще нет изоморфной слусинговой конструкции, а падежные остатки на самом деле происходят из клаузы с нулевой копулой? Такое предположение не противоречит ни возможности подчинительных союзов (29) (как мы увидим ниже в разделе 4.2, они возможны и с полными клаузами с копулой), ни возможности спраутинга (как видно из примера (31), спраутинг чувствителен к падежному соответствию, а не к изоморфизму).

Аргументом в пользу существования изоморфного источника выступают остатки в первом и втором генитиве. В татышлинском удмуртском, как и в других вариантах удмуртского языка, есть два родительных падежа, выбор между которыми зависит от синтаксической позиции именной группы. Посессор прямого объекта оформляется вторым генитивом (32b), а посессоры любых других именных групп — первым[7] (32a). Если коррелятом является местоимение в позиции посессора, то на остатке лицензируется и второй, и первый генитив (33). Поскольку второй генитив возможен только при прямом объекте, для конструкции (33a) должна восстанавливаться изоморфная переходная клауза (*чье платье Катя надела*).[8] Остаток в первом генити-

[7] Некоторые исследователи обозначают падеж посессора прямого объекта термином *аблатив*. О генитивном (генитивно-аблативном) чередовании в удмуртском см. Едыгарова 2010 : 160—176; Assmann & Edygarova & Georgi & Klein & Weisser 2014.

[8] Для ряда носителей татышлинского удмуртского возможно употребление второго генитива в аблативном значении в посессивных конструкциях

ве (33b) должен зависеть не от прямого объекта, соответственно, для него восстанавливается неизоморфный источник (*чье оно было*), о чем говорит возможность добавить субъект-указательное местоимение. Вариант остатка с *so* оценивается всеми опрошенными информантами как однозначно приемлемый, а опустить местоимение разрешают шесть из восьми опрошенных.

(32) a. ***daša-len*** *apog-ez* *tros* *lâdž'-e*
Даша-GEN сестра-POSS.3SG много читать-PRS.3SG
'Дашина сестра много читает'
b. *mon tod-is'ko-ø* ***daša-les'*** *apog-ze*
я знать-PRS-1SG Даша-GEN2 сестра-ACC.POSS.3SG
'Я знаю Дашину сестру' (Осипова 2024 : 6—7)

(33) a. *kat'a kin-les'* *dər* *č'agâr* *derem-ze*
Катя кто-GEN2 INDEF синий платье-ACC.POSS.3SG
dis'-a-ø-z *no mon ug* *tod-is'kâ* ***kin-les'*** (%***so***)
одежда-VBLZ-PST-3SG но я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто-GEN2 тот
'Катя надела чье-то синее платье, но я не знаю чье'
b. *kat'a kin-les'* *dər* *č'agâr* *derem-ze*
Катя кто-GEN2 INDEF синий платье-ACC.POSS.3SG
dis'-a-ø-z *no mon ug* *tod-is'kâ*
одежда-VBLZ-PST-3SG но я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS
kin-len (***so***)
кто-GEN тот
'Катя надела чье-то синее платье, но я не знаю чье'.

Таким образом, конструкция с падежным остатком в татышлинском удмуртском на самом деле может быть образована из двух разных источников: изоморфного и неизоморфного. Две эти структуры не сводимы друг к другу.

4.2 Конструкция с номинативным остатком и указательным местоимением

Во второй слусинговой конструкции, которую мы рассмотрим, остаток состоит из вопросительного местоимения в форме номинатива и указательного местоимения (демонстратива):

(34) *kat'a lavka-ân* *kin-e* *dər* *pumita-ø-z*
Катя магазин-LOC кто-ACC INDEF встречать-PST-3SG
noš mon ug *tod-is'kâ* ***kin*** ***so***
а я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто тот
'Катя кого-то встретила в магазине, но я не знаю, кто это'

Из примера (34) видно, что, в отличие от примеров с падежным остатком и демонстративом (30)—(31), вопросительное местоимение стоит в форме номинатива вне зависимости от того, в какой синтак-

типа (a); пример оценивается как приемлемый тремя информантами из семи опрошенных. Такое же количество информантов допускают указательное местоимение в примере (33a).
(a) %*ta* *derem* *maša-les'*
этот платье Маша-GEN2
'Это платье — от Маши'

сической позиции располагается коррелят. Спраутинг в этой конструкции скорее затруднен; пример (35) признают приемлемым трое из шести опрошенных информантов. Ср. с полной приемлемостью примера (26). Как мы видели в разделе 2, похожие эффекты наблюдаются и в других языках, в частности в турецком (7): при спраутинге на соответствие остатка корреляту накладываются более строгие ограничения, чем при слусинге.

(35) %*vas'a gožtet lez'-i-z no mon*
Вася письмо пускать-PST-3SG но я
ug tod-is'kə̂ ***kin so***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто тот
'Вася отправил письмо, но я не знаю, кто это'

Как и конструкция с падежным остатком, конструкция с указательным местоимением допускает подчинительный союз *šusa* и в части идиолектов — союз *što*:

(36) *kin dər van' känfet-jos-ə̂z s'i-em noš mon*
кто INDEF весь конфета-PL-ACC есть-PST2 а я
ug tod-is'kə̂ [***kin so šu-sa / %što kin so***]
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто тот говорить-CVB что кто тот
'Кто-то съел все конфеты, но я не знаю, кто это'

Отсутствие падежного соответствия между остатком и коррелятом однозначно свидетельствует о неизоморфном источнике слусинговой конструкции: на месте клаузы-мишени нельзя восстановить такую же структуру с лексическим глаголом, как в антецеденте. Пример (37) показывает, что в зависимую клаузу можно добавить копулу прошедшего времени *val* (быть.PST), но не настоящего времени *van'* 'имеется'. Однако для татышлинского удмуртского это ожидаемо: презентная копула обязательна только в бытийной и посессивной конструкции и в принципе невозможна в других типах неглагольной предикации (Кожевникова 2022).

(37) *kin dər šə̂d kis't-i-z no* ***kin so***
кто INDEF суп лить-PST-3SG ADD кто тот
[***val / *van'***] *mon ug tod-is'kə̂*
быть.PST имеется я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS
'Кто-то вылил суп, но кто это был — я не знаю'

Также в татышлинском удмуртском нет конкорда по времени в сложном предложении, т. е. при предикате матричной клаузы в прошедшем времени предикат зависимой может быть в настоящем. Исходя из этого, можно предположить, что неизоморфным источником конструкции с номинативным остатком и указательным местоимением, а также конструкции с падежным остатком и указательным местоимением типа (30)—(31), является клауза с нулевым алломорфом копулы настоящего времени. Во втором случае структура очевидна: указательное местоимение является субъектом клаузы, а вопросительное местоимение — частью предикации. В первом случае, по всей видимости, возможны оба варианта; их разграничение мы пока оставляем для будущих исследований. Таким образом, данные слусинговые конструкции вообще не предполагают эллипсиса элементов в зависимом вопросе.

4.3 Конструкция с остатком в матричном падеже

Третья слусинговая конструкция в татышлинском удмуртском, которую мы рассмотрим, — это конструкция с остатком в матричном падеже, в которой остаток маркирован синкретичным показателем посессивного аккузатива. Ранее в разделе 4.1, посвященном конструкции с падежным остатком, мы уже обсуждали остатки, маркированные суффиксом *-ze* (ACC.POSS.3SG), см. пример (21). В том случае, однако, аккузатив остатка соответствовал аккузативу коррелята в позиции объекта. В случае же конструкции с остатком в матричном падеже соответствие необязательно: такой остаток может употребляться при корреляте любого падежа и синтаксического статуса, даже при послеложной группе:

(38) *kat'a* ***kin-les'*** ***dər*** *derem-ze* *dis'-a-ø-z*
Катя кто-GEN2 INDEF платье-ACC.POSS.3SG одежда-VBLZ-PST-3SG
noš mon ȯj *todə̂* ***kin-ze***
но я NEG.PST.1SG знать кто-ACC.POSS.3SG
'Катя надела чье-то платье, но я не знал чье'

(39) *pet'a* ***mar ponna dər*** *gorod-e* *košk-i-z* *noš mon*
Петя что для INDEF город-ILL уходить-PST-3SG а я
ȯj *vala* ***mar-ze***
NEG.PST.1SG понимать что-ACC.POSS.3SG
'Петя зачем-то уехал в город, но я не поняла зачем'

«Обычный», непосессивный аккузатив в этой конструкции использоваться не может:

(40) **kin dər van' känfet-jos-ə̂z* *s'i-em* *noš mon*
кто INDEF весь конфета-PL-ACC есть-PST2 а я
ug *tod-is'kə̂* ***kin-e***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто-ACC
'Кто-то съел все конфеты, но я не знаю кто'

Рассмотрим интересующие нас параметры варьирования. Опущение коррелята при посессивно-аккузативом остатке затруднено, см. пример (41) (оценивают как приемлемый три информанта из восьми опрошенных). Это характерно для конструкций с падежным несоответствием, ср. пример (35) с конструкцией с указательным местоимением и номинативным остатком. Таким образом, в татышлинском удмуртском спраутинг допустим только в конструкции с падежным соответствием между остатком и коррелятом.

(41) ??*vas'a* *gožtet* *lez'-i-z* *no mon*
Вася письмо пускать-PST-3SG но я
ug *tod-is'kə̂* ***kin-ze***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто-ACC.POSS.3SG
'Вася отправил письмо, но я не знаю кому'

В отношении подчинительных союзов конструкция с остатком в матричном падеже отличается от двух предыдущих слусинговых конструкций. Зависимая клауза в этом случае не может содержать союз *šusa* (42). Союз *što* разрешается одним информантом из семи опрошенных (43).

(42) **vas'a kin-lə̂ dər gožtet-jos lez'-i-z noš mon*
Вася кто-DAT INDEF письмо-PL пускать-PST-3SG а я
*ug tod-is'kə̂ **kin-ze** **šu-sa***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто-ACC.POSS.3SG говорить-CVB
'Вася отправил письма, но я не знаю кому'

(43) ??*kin dər van' känfet-jos-ə̂z s'i-em noš mon*
кто INDEF весь конфета-PL-ACC есть-PST2 а я
*ug tod-is'kə̂ **što kin-ze***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS что кто-ACC.POSS.3SG
'Кто-то съел все конфеты, но я не знаю кто'

Обсудим исходную структуру конструкции. На месте зависимой клаузы нельзя восстановить изоморфную клаузу с лексическим глаголом: во-первых, в таком случае необъяснимо падежное несоответствие между остатком и коррелятом; во-вторых, вопросительные слова вне эллиптического контекста не могут маркироваться посессивным аккузативом, если не выступают в позиции прямого объекта. Примеры (44)—(45) показывают, что допустимость маркирования действительно зависит от синтаксического контекста, а не от свойств конкретного вопросительного местоимения.

(44) *mon ug tod-is'kə̂ **kü-(*ze)** pet'a*
я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS когда-ACC.POSS.3SG Петя
*košk-i-z no tod-is'ko-Ø **kə̂tč'ə̂-(ze)***
уходить-PST-3SG но знать-PRS-1SG куда-ACC.POSS.3SG
'Я не знаю, когда Петя ушел, но знаю куда'

(45) *mon ug tod-is'kə̂ **kə̂tč'ə̂-(*ze)** pet'a*
я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS куда-ACC.POSS.3SG Петя
*košk-i-z noš tod-is'ko-Ø **kü-(ze)***
уходить-PST-3SG а знать-PRS-1SG когда-ACC.POSS.3SG
'Я не знаю, куда Петя ушел, но знаю когда'

Источником также не может выступать клауза с нулевой копулой настоящего времени, аналогичная конструкциям с указательным местоимением, поскольку к остатку с матричным падежом нельзя добавить демонстратив (46). Кроме того, и изоморфная финитная клауза с лексическим глаголом, и клауза с копулой допускают подчинительные союзы, которые в конструкции с матричным падежом невозможны, см. (42)—(43).

(46) **kin dər van' känfet-jos-ə̂z s'i-em*
кто INDEF весь конфета-PL-ACC есть-PST2
*noš mon ug tod-is'kə̂ **kin-ze** **so***
а я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS кто-ACC.POSS.3SG тот
'Кто-то съел все конфеты, но я не знаю кто'

Отсутствие падежного соответствия указывает на неизоморфную структуру с копулой. Однако для того чтобы прояснить структуру конструкции, необходимо ответить на два вопроса: каков источник аккузативного падежа на местоимении-остатке и клаузой какого типа является зависимый вопрос. Рассмотрим их по порядку.

Аккузативное маркирование остатка зависит от матричного глагола. Глагол *todə̂nə̂* 'знать', который мы рассматривали во всех предыду-

щих примерах, приписывает своему объекту — в том числе зависимой номинализации — аккузатив. Глагол *pajmə̂nə̂* 'удивляться' приписывает своему именному аргументу датив, см. (47). Этот глагол может выступать матричным и иметь зависимый вопрос, в том числе усеченный, но маркировать остаток посессивным аккузативом, который не соответствует позиции коррелята, нельзя. См. пример (48):

(47) *agajmurt pajm-em so-len* ***č'eber-ez-lə̂***
мужчина удивляться-PST2 тот-GEN красивый-POSS.3SG-DAT
'(Девушка настолько красивая была,) мужик удивился ее красоте' (КТУ: ShMA-13082022_TD_banja-razgovory)

(48) *pet'a kin-lə̂ ke s'as'ka s'ot-i-z*
Петя кто-DAT INDEF цветок дать-PST-3SG
no mon pajm-i-Ø ***kin-lə̂ / *kin-ze***
но я удивляться-PST-1SG кто-DAT кто-ACC.POSS.3SG
'Петя кое-кому подарил цветы, и я удивилась кому'

Отметим, что конструкция, похожая на татышлинскую, встречается и в других языках — в частности, в чахарском диалекте монгольского (Bai & Takahashi 2023). В примере (49) остаток в форме аккузатива соответствует корреляту в форме датива. Авторы утверждают, что в зависимой клаузе присутствует бытийный глагол, который может опционально опускаться. Аккузатив на самом деле приписывается матричным предикатом всей зависимой клаузе. При озвученной копуле он фонетически примыкает к ней, а при опущенной — к вопросительному местоимению:

(49) ЧАХАРСКИЙ МОНГОЛЬСКИЙ
Batu nige xümün-i sigümǰile-be
Бату один человек-ACC отчитать-PST
Bi ***xen*** **(*bol-uγsan*)*-i*** *ni mede-ye geǰü*
я кто быть-PERF-ACC PPC знать-1SG.IMP что
sana-ǰu bai-na
надежда-ADVL AUX-NPST
'Бату кого-то отчитал. Я надеюсь узнать, кто это был' (Bai & Takahashi 2023 : 513)

Мы считаем, что в татышлинской конструкции с матричным падежом также присутствует фонологически нулевая копула, которая создает видимость присоединения падежного маркирования к местоимению-остатку. При этом между удмуртским и монгольским есть различия в типах зависимой клаузы. В монгольских конструкциях бытийный глагол может стоять в разных формах в зависимости от селективных требований матричного предиката, см. примеры с глаголом в форме перфекта (49) и инфинитива (50).

(50) ЧАХАРСКИЙ МОНГОЛЬСКИЙ
Batu maryasi nige yaǰar xödelgegen-dü orulča-na
Бату завтра один место мероприятие-DAT посетить-NPST
Bi (*tere ni*) ***χamiγa*** **(*bol-χu*)*-yi*** *ni mede-ne*
я этот PPC где быть-INF-ACC PPC знать-NPST
'Завтра Бату посетит мероприятие кое-где. Я знаю, где это' (Bai & Takahashi 2023 : 513)

В татышлинском удмуртском же клауза-мишень в конструкции с остатком в матричном падеже является номинализованной. На такую исходную структуру указывают несколько аргументов.

Во-первых, по всей видимости, для форм номинализации копулы в татышлинском удмуртском фонологически нулевое выражение является наиболее характерным — как, например, характерно для копулы настоящего времени в определенных конструкциях с неглагольной предикацией, как мы обсуждали в разделе 4.2. От основы *vâl-*, которая используется в формах копулы второго прошедшего времени, можно сконструировать номинализацию *vâlem*, однако носители признают примеры с ней неестественными. В таком случае можно считать, что падежный показатель, присущий зависимым номинализациям, присоединяется к вопросительному местоимению-остатку как к ближайшему ненулевому элементу.

Во-вторых, в татышлинском удмуртском есть бытийный глагол *lüənə* 'быть', который близок, хотя и не идентичен копуле по семантике и функционированию, но, в отличие от нее, имеет полную глагольную парадигму, в том числе может образовывать номинализации. Пример (51) показывает, что с помощью номинализации глагола *lüənə* можно образовать конструкцию, аналогичную слусинговой, с опционально выраженным субъектом — указательным местоимением в форме второго генитива. Такой же субъект можно добавить и в слусинговую конструкцию с остатком в матричном падеже (52).

(51) *pet'a kin-lâ dər mašina-ze vuza-Ø-z*
Петя кто-DAT INDEF машина-ACC.POSS.3SG продавать-PST-3SG
noš mon ug tod-is'kâ
а я NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS
(***so-les'***) ***kin lü-em-ze***
тот-GEN2 кто быть-NMLZ-ACC.POSS.3SG
'Петя продал кому-то машину, но я не знаю, кто он {покупатель} такой'

(52) *vas'a kin-lâ dər gožtet-jos lez'-i-z noš mon*
Вася кто-DAT INDEF письмо-PL пускать-PST-3SG а я
ug tod-is'kâ ***so-les'*** ***kin-ze***
NEG.PRS/FUT.1SG знать-PRS тот-GEN2 кто-ACC.POSS.3SG
'Вася отправил кому-то письма, но я не знаю, кто {получатель} он'

В-третьих, конструкцию с остатком в матричном падеже и зависимые номинализации объединяет запрет на подчинительные союзы. Напомним, что зависимые номинализованные клаузы не могут вводиться союзом *šüsa*, см. пример (15), повторенный в (53):

(53) *mi tod-is'ko-m pi-jos-les' mil'-es't-âm keč'-ez*
мы знать-PRS-1PL мальчик-PL-GEN2 мы-GEN2-POSS.1PL коза-ACC
luška-m-zes (****šü-sa***)
красть-NMLZ-ACC.POSS.3PL говорить-CVB
'Мы знаем, что мальчики увели нашу козу'

Примеры матричного падежа на вопросительном местоимении встречаются в корпусе, соответственно, конструкция входит в узус носителей татышлинского удмуртского. В примере (54) вопросительное место-

имение стоит в аккузативе, при этом и структура, и интерпретация указывают на бытийную конструкцию. Важно отметить, что в этом примере нет клаузы-антецедента как таковой. Это служит аргументом в пользу опущения копулы, а не эллипсиса.

(54) *takja. ȯžə̈t vala-s'ko-m no si-je, no* ***mar-ze***
такъя мало понимать-PRS-1PL ADD тот-ACC ADD что-ACC.POSS.3SG
um to-s'k-e inde
NEG.PRS/FUT.1PL знать-PRS-PL уже
'Такъя {женский головной убор}. Немного понимаем это, но что такое не знаем' (КТУ: GRG_ShKI_072019_VI_7_odezhda)

Таким образом, мы предполагаем, что источники слусинговых конструкций с указательным местоимением и с остатком в матричном падеже похожи: в обоих случаях присутствует неизоморфная клауза с нулевой копулой, однако в первой конструкции эта клауза финитная, тогда как во второй — номинализованная.

5. Заключение

Мы рассмотрели конструкции с эллипсисом косвенного вопроса (*слусинговые*), при котором в зависимой клаузе удаляется весь материал, кроме вопросительного местоимения (*остатка*), на материале татышлинского говора удмуртского языка (Республика Башкортостан). Всего в исследуемом говоре можно выделить три конструкции, опираясь на форму вопросительного местоимения: конструкцию с падежным соответствием между остатком и коррелятом, конструкцию с номинативным остатком и указательным местоимением и конструкцию с остатком с синкретичным показателем посессивного аккузатива *-ze* (конструкцию с остатком в матричном падеже). Для каждой из трех конструкций мы рассмотрели возможность опустить местоимение-коррелят в клаузе-антецеденте и возможность добавить подчинительные союзы *šusa* и *što*, а также предложили структуру зависимой вопросительной клаузы. Результаты суммированы в таблице 1.

Конструкции, в которых не наблюдается падежного соответствия между остатком и коррелятом, являются однозначными примерами неизоморфных слусинговых конструкций. Конструкция с падежным соответствием, в свою очередь, может происходить либо из изоформного источника, т. е. клаузы, повторяющей антецедент, либо из неизоморфной клаузы с копулой. Об одновременном существовании двух возможных источников говорит то, что остаток может иметь форму как первого генитива, так и второго генитива (аблатива). Неизоморфным источником конструкции с падежным соответствием, конструкции с номинативным остатком и конструкции с остатком в матричном падеже является клауза с фонологически нулевой копулой; таким образом, эти конструкции можно отнести к *псевдослусингу*.

Конструкции различаются относительно опущения местоимения-коррелята (спраутинга). Спраутинг в татышлинском удмуртском допустим для остатка в форме, соответствующей позиции коррелята (вне зависимости от источника клаузы-мишени), и невозможен для остатков в форме номинатива и посессивного аккузатива. Таким об-

разом, спраутинг оказывается чувствителен не к изоморфности зависимой клаузы, а к соответствию между остатком и позицией антецедента.[9]

Допустимость подчинительных союзов *šu̇sa* и *što* в слусинговых конструкциях коррелирует с их допустимостью в полных зависимых вопросах. Из трех конструкций они запрещаются в конструкции с матричным падежом, которая, по нашему предположению, образована от номинализации. В конструкции с падежным остатком и конструкции с номинативным остатком и демонстративом свободно разрешается союз *šu̇sa* и, для половины опрошенных респондентов, союз *što*, а также их сочетание. Точно такое же распределение мы наблюдаем в полных финитных зависимых вопросах.

Таблица 1

Свойства трех конструкций с эллипсисом косвенного вопроса

Параметр	**Конструкция с падежным соответствием**	**Конструкция с номинативным остатком и демонстративом**	**Конструкция с матричным падежом**
Падежное соответствие остатка и коррелята	Да	Нет	Нет
Предполагаемая исходная структура	Изоморфная клауза с лексическим глаголом / неизоморфная клауза с копулой	Неизоморфная клауза с копулой	Номинализованная неизоморфная клауза с копулой
Опущение коррелята	Да	Нет	Нет
Подчинительные союзы	Да	Да	Нет

Data availability statement. The data are contained within the article.

Acknowledgements. This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 24-18-00199 realized at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Science.

The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

[9] Анонимный рецензент замечает, что распределение первого и второго генитивов выбивается из этого обобщения. Действительно, по нашим предварительным данным, спраутинг допустим в случае, когда антецедентом является переходная клауза, а остаток при этом имеет форму первого генитива. Для более точных заключений нужны дальнейшие исследования.

(a) *anaj mə̂nə̂m kärtəs'ka aʔǯ'ə̂-t-i-z, mon pajm-i-Ø kin-len*
мама я.DAT фотография видеть-CAUS-PST-3SG я удивляться-PST-1SG кто-GEN
'Мама показала мне фотографию, я удивилась чью'

Address

Daria D. Belova
Institute of Linguistics of the RAS
d.belova@iling-ran.ru

Список условных обозначений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, ACC — аккузатив, **ADD** — аддитивная частица, **ADVL** — адвербиализатор, **AUX** — вспомогательный глагол, **CAUS** — каузатив, **CMPR** — компаратив, **COMP** — комплементайзер, **CVB** — деепричастие, **DAT** — датив, **DEF** — определенный артикль, **EL** — элатив, **EV** — эвиденциальный маркер, **FUT** — будущее время, **GEN** — генитив, **GEN2** — второй генитив, **ILL** — иллатив, **IMP** — императив, **INDEF** — неопределенное местоимение, **INF** — инфинитив, **INST** — инструменталис, **LOC** — локатив, **NEG** — отрицание, **NMLZ** — номинализация, **NPST** — непрошедшее время, **PERF** — перфектив, **PPC** — личная притяжательная клитика, **PL** — множественное число, **POSS** — посессив, **PRS** — настоящее время, **PST** — прошедшее время, **PST2** — второе прошедшее время, **Q** — вопросительная частица, **SG** — единственное число, **VN** — глагольное имя.

ЛИТЕРАТУРА

Давидюк Т. И. 2023, Конструкции с сентенциальными актантами в татышлинском удмуртском. На правах рукописи.

—— 2024, Конструкции с аккузативным субъектом в татышлинском говоре удмуртского языка. — Конференция «Малые языки в большой лингвистике» (Москва, МГУ / ИЯз РАН, 12—13 апреля 2024 г.). https://cloud.ruslang.ru/s/TKC9CzBF8XqxSxD.

Едыгарова С. 2010, Категория посессивности в удмуртском языке, [Tartu]: Tartu Ülikooli Kirjastus (Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis 7).

Осипова А. А. 2024, Синтаксис именной группы. На правах рукописи.

Кашкин Е. В. & Винклер М.-Э. А. 2024, Языковая ситуация у татышлинских удмуртов: наблюдения экспедиций ОТиПЛа МГУ. — Родной язык 1, 16—43. https://doi.org/10.37892/2313-5816-2024-1-16-43.

Кельмаков В. К. 1998, Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты, Ижевск: «Удмуртия».

Кожевникова Э. К. 2022, Неглагольная предикация в татышлинском удмуртском. На правах рукописи.

Тестелец Я. Г. 2001, Введение в общий синтаксис, Москва: РГГУ.

Тыщишина Т. Е. 2023, Дискурсивное употребление посессивного показателя 3sg в татышлинском удмуртском. — Двадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 23—25 ноября 2023 г.). https://cloud.ruslang.ru/s/8YYxKiXJQcSHSLn?dir=/&editing=false&openfile=tru

Уткина А. Ф. 2022, Сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными в современном удмуртском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филолологических наук, Ижевск: Удмуртский государственный университет.

Assmann, Anke & Edygarova, Svetlana & Georgi, Doreen & Klein, Timo & Weisser, Philipp 2014, Case stacking below the surface: On the possessor case alternation in Udmurt. — Linguistic Review 31 (3—4), 447—485. https://doi.org/10.1515/tlr-2014-0007.

Bai, Xue & Takahashi, Daiko 2023, A pseudo-sluicing analysis of reduced embedded questions in Chakhar Mongolian. — Journal of East Asian Linguistics 32 (4), 497—522. https://doi.org/10.1007/s10831-023-09264-8.

Baidoullina, Anna 2003, Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö, Tartu: Tartu Ülikool.

Chung, Sandra 2005, Sluicing and the Lexicon: The Point of No Return. — Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 73—92. https://doi.org/10.3765/bls.v31i1.896.

Chung, Sandra & Ladusaw, William A. & McCloskey, James 1995, Sluicing and logical form. — Natural Language Semantics 3, 239—282. https://doi.org/10.1007/BF01248819.

Erschler, David 2018, Typology of bizarre ellipsis varieties. Doctoral dissertation, University of Massachusetts Amherst.

Georgieva, Ekaterina 2024a, Exploring the cross-linguistic variation in sluicing. — Leiden/Bielefeld Workshop on Comparative Syntax (Leiden, 23—24 May 2024), 1—12. https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/geesteswetenschappen/lucl/leibiecos-slides/georgieva-exploring-the-cross-linguistic-variation-in-sluicing.pdf.

—— 2024b, On sluicing in Meadow Mari and Udmurt. Paper presented at the Uralic Information Centre: Talk Series, HUN-REN Hungarian Research Centre for Linguistics, 29 May.

—— 2026, On sluicing-like constructions. — Paper presented at the 2nd GLOW in Asia Workshop for Young Scholars (Nagoya, 13—14 March 2026).

Gribanova, Vera 2013, Copular Clauses, Clefts, and Putative Sluicing in Uzbek. — Language 89 (4), 830—882. https://doi.org/10.1353/lan.2013.0074.

Gribanova, Vera & Manetta, Emily 2016, Ellipsis in *Wh*-in-Situ Languages: Deriving Apparent Sluicing in Hindi-Urdu and Uzbek. — Linguistic Inquiry 47 (4), 631—668. https://doi.org/10.1162/LING_a_00225.

Hiraiwa, Ken, & Ishihara, Shinichiro 2011, Syntactic Metamorphosis: Clefts, Sluicing, and In-Situ Focus in Japanese. — Syntax 15 (2), 142—180. https://doi.org/10.1111/j.1467-9612.2011.00164.x.

Kaysina, Inna 2013, The adoption of Russian conjunctions in Udmurt. — ESUKA 4 (2), 131—144. https://doi.org/10.12697/jeful.2013.4.2.07.

Merchant, Jason. 2001, The Syntax of Silence. Sluicing, Islands, and the Theory of Ellipsis, Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780199243730.001.0001.

—— 2006, Sluicing. — The Blackwell Companion to Syntax 4, Oxford: Blackwell, 271—292. https://doi.org/10.1002/9780470996591.ch60.

Murphy, Andrew 2020, Voice mismatches beyond passives: sluicing with active impersonal antecedents. — Linguistica Brunensia 68 (2), 65—83. https://doi.org/10.5817/LB2020-2-5.

Orlov, Vladislav 2024, Wh-in-situ in Tatyshly Udmurt. — Ural-Altaic Studies 4 (55), 70—89.

Palaz, Bilge 2019, Pseudo-sluicing in Turkish: A pro-form Analysis. — Proceedings of the Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic 4, 62—73. https://doi.org/10.3765/ptu.v4i1.4585.

Ronai, Eszter & Stigliano, Laura 2020, Adjectival sluices in Hungarian. An argument for isomorphic sources. — Natural Language and Linguistic Theory 38 (4), 1197—1210. https://doi.org/10.1007/s11049-020-09468-w.

Ross, John 1969, Guess who? — Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society, 252—286. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199645763.003.0002.

Tánczos, Orsolya 2013, Hogy… hogy? Kettős kötőszók az udmurt mondatban. — Nyelvelmélet és kontaktológia 2, Piliscsaba, 95—112.

van Craenenbroeck, Jeroen & Lipták, Anikó 2006, The crosslinguistic syntax of sluicing: evidence from Hungarian relatives. — Syntax 9 (3), 248—274. https://doi.org/10.1111/j.1467-9612.2006.00091.x

van Craenenbroeck, Jeroen & Merchant, Jason 2013, Ellipsis phenomena. — The Cambridge Handbook of Generative Syntax, Cambridge: Cambridge University Press, 701—745. https://doi.org/10.1017/CBO9780511804571.025.

Vicente, Luis 2018, Sluicing and its subtypes. — The Oxford Handbook of Ellipsis, Oxford: Oxford University Press, 479—503. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198712398.013.22.

Д. Д. Белова

DARJA BELOVA (Moskva)

UDMURDI KEELE TATÕŠLÕ MURDE KAUDKÜSIMUSE ELLIPSIGA KONSTRUKTSIOONID

Artiklis käsitletakse udmurdi keele Tatõšlõ murde ellipsiga kaudküsimust. Uurali keelte niisuguste konstruktsioonide omadusi on seni vähe uuritud. Autor on kasutatanud nii välitöödel kogutud ainestikku kui ka korpusandmeid. Uuritud konstruktsioonid erinevad selle poolest, millises vormis on küsiv asesõna: a) korrelaadile vastavas käändes, b) nominatiivis koos näitava asesõnaga, c) akusatiivis koos 3. isiku possessiivsufiksiga -*ze*. Neid variante on võrreldud mitme tüpoloogiliselt olulise tunnuse alusel.